

рѣшотку и по ней проходятъ нѣсколько разъ вмѣсто вѣнчанія“.

Идолъ Поганой исполнилъ приказаніе царевны. Когда было всё готово, онѣ направились итти черезъ яму. Женихъ должонъ былъ проходить вперёдъ. Когда Идолъ Поганой ступилъ только на рѣшотку, царевна поддернула её, и онъ упалъ въ горячіе углья—тутъ и згорѣлъ.

Царевна и вышла взамужъ за Митю Волочашшова. Я тамъ былъ, на свальбѣ-то; меня кормили обѣдомъ. А рыба-та у нихъ была шшука, я по блюду-ту сшупалъ, ногти-тѣ задралъ, ничево и не набралъ—такъ голодной и ушолъ.

14. „Про коровку-бурѣнку“. [Буренушка].

1. Жилъ старикъ со старухой. У него была одна дочь. Старуха померла, а старикъ женился,—взялъ Егѣ-бобу съ трѣмъ дочерямъ. Немного пожила Егѣбоба и стала она посылать неродную дочь корофъ пасты.

Первой день Егѣбоба посылаетъ дочь свою: „Унеси сукъ-то, плѣхъ-то пообѣдать-ту!“ [говорится басомъ].—Дала дочерѣ *поскрѣбшиъ*, которой лошадь копытомъ не можетъ раздавить. Та принесла и подала неродной сестрѣ. Она взяла въ руки, подержала и отдаётъ назадъ: „На-ко, сестрица! я не хочу ѣсти. Дай лучше я у тебя поишшѣ въ головкѣ“.—Стала искать, сказала: „Спи глазъ, спи два!“—Переговорила два раза, и Егѣбисна уснула.

2. Потомъ старикова дочка стала звать къ себѣ коровку-бурѣнку: „Тпруко коровушка, тпруко бурѣнушка!“—Коровушка пришла. Она въ одно ушко слѣзла—напилась наѣлась, а въ другое—наредилась. И такой красавицей очутилась, што ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Потомъ шатѣрь задернула; гуляла, гуляла до той поры, пока стала скотина домой собирацца.

Она опять позвала: „Тпруко, коровушка, тпруко, бурѣнушка!“—Коровушка пришла, она въ одно ушко слѣзла—напилась-наѣлась; въ другое—рознаредилась. Пришла къ сестрѣ и будить: „Ставай, сестрица! время домой итти:

скотина собираетца“.—Егібисна пришла, а Егібоба давай её ругать: „Һдѣ ты, сука-плѣха, съэстоль долго шлѣлась?!“

3. Потомъ, на другое утро, неродная дочь ушла короф пасьти, а Егібоба понесла сама ей обѣдъ. Наклала блюдо каши, вмѣсто масла положила тутъ яду, штобы отравить падчерицу.

Приходитъ и говоритъ неродной дочерѣ: „Нѣ-ко, дитетко! я принесла тебѣ кашки, такъ похлебай-ко!“—Дочь взяла, сѣла къ кусту, ложку почеръпнѣтъ и черезъ плечо [поправился: плечѣ] и бросаетъ. Такъ всю кашу черезъ плечо и выбросала. Потомъ пришла и говоритъ: „Мамонька, дай-ко я у тебя въ головкѣ поисшю“.

Стала искать и говоритъ: „Спи глазъ, спи два!“—Два рѣза переговорила. Два-тѣ глазѣ уснули, а третей-то нѣтъ, такъ какъ Егібоба была о трѣхъ глазѣхъ. Потомъ позвала: „Тпруко, коровушка, тпруко, бурёнушка!“—Коровушка пришла. Она въ одно ушко слѣзила, напилась-наѣлась, въ другое—наредилась. Шатѣръ задѣрнула, гуляла, гуляла.

Солнышко стало садитца, она опять позвала: „Тпруко коровушка, тпруко бурёнушка!“—Коровушка пришла; она въ одно ухо слѣзила, напилась-наѣлась, въ другое—розна-редилась. Хотѣла её (мачиху) будить, но мачихи уже нѣ было на мѣстѣ: у ней одинъ-то глазъ всё и видѣлъ ето.

4. Когда только она пришла домой съ коровамъ, Егібоба кинулась на неё ругатца:—„Ишь, сѣка-та, плѣха-та! научилась коровѣ въ ухо ползаты!.. Старикъ, зарѣжь корову!“—Старикъ не мокъ мѣки перетерпѣтъ, зарѣзалъ корову.

Старикова дочь пришла и говоритъ: „Мамонька, отдай ты мнѣ хотя черѣва-тѣ!“—Егібоба сказала: „Отдай кишкѣ-тѣ ей, сонѣ она ихъ!“

5. Она взяла, унесла ихъ въ подпольѣ, въ сѣтнѣй уголь и закопала. У ней и выросъ садъ зеленой. Въ етомъ саду пѣточки пѣньски поютъ пѣсьни царьски, её утѣшаютъ; и котѣ баюнѣ есь тутъ. Етотъ садъ у ней зазналъ Иванъ Торговой, и сталъ её сватать за себя замужъ.

Вотъ Егібоба и говоритъ Ивану: „Насчѣ ты возмѣшь неткаху-ту, непряху-ту? вонъ у меня дочери-ти ткахи, да и пряхи—любую берѣ изъ трѣхъ!“ [басомъ].—„А мнѣ живѣтъ,—говоритъ:—и непряха!“—Старикъ выдалъ за Ивана дочеръ, и назначена у нихъ была свадьба.

6. Егібоба и говоритъ своимъ дочерямъ: „Вы, дѣвки суки-плѣхи, хотѣ сад'отъ не отдава́йте!“—Наканунѣ свальбы дѣвки вьютъ верѣвки, привязываютъ двери, садъ. Какъ только Иванушко пріѣхалъ со свальбой, отстолова́ли, сѣли въ теля́ги,—и садъ къ нимъ на запя́тки.

7. Послѣ свальбы Иванушко собрался ѣхать торговать, а женѣ своей наказалъ, штобы нечуть не пускала Егібобу въ домъ. Только онъ уѣхалъ, Егібоба идѣтъ къ неродной дочкѣ въ госьти.

Шла она доро́гой, платокъ и нашла, которой Иванушко потерялъ. А платокъ етотъ былъ ево жены. Егібоба пришла и показала ей.—„На-ко, дитетко, Иванушко тебѣ платокъ по́слалъ!“—Марья отперла́ двери и пустила Егібобу.

Егібоба взяла её обернула рысьей и отпустила съ рыся́мъ въ лѣсъ. А свою дочку привела́ и наредила въ её платье.

8. Когда Иванъ Торговъ пріѣхалъ домой, и услышѣлъ: пла́чѣтъ ево ребѣнокъ (у нихъ уже ребѣнокъ былъ).—„О чѣмъ у Васъ робѣнок'отъ реве́тъ?“—Егібисна и отвѣчаетъ: „Служки-няньки научили въ чісто полѣ ходить, такъ въ чісто полѣ про́ситца“.—„Понесите ево!“

Когда служанка вышла въ полѣ, подошла къ лѣсу и сѣла за кустикъ, — бѣжать рыси. Она и говоритъ: „Рыси вы рыси, побѣ́гучіе рыси! гдѣ *блѣденева* ма́ти? *Блѣдень* пла́четъ,—*ѣсти* про́ситъ!“ [на-распѣвъ].

Одна рысь выскочила изъ табунѣ, скинула свою рысью *кожѹрку*, и сдѣлалась Краси́вицей. Взяла ребѣнка на руки и стала корѣмьтъ грудью.

Когда она стала отдава́тъ ево служанкѣ, и сказа́ла: „спи, моѣ дѣтетко, на двои су́точки, не пива́вши и не ѣда́вши и не пробужа́вшись!“—А сама́ надѣла рысью *кожѹрку*, обернула́сь рысью и побѣжала насы́тигать рысей.

9. Такъ повторялось по́ три дни. — Иванъ Торговой торговать уже во́всѣ пересталъ: все́ заботился о своей женѣ.

Егібисна ево уговаривала и говорила: „Иванъ Торговой, поде́мъ-ко въ зеленой садъ, погуля́емъ!“ — Пришли, а въ саду́ *по́точки* не пою́тъ и коты́ *баюны* пропа́ли. Только онѣ вы́шли изъ саду́, заревѣ́лъ ребѣнокъ. Иванъ Торговой

и спрашивать: „Объ чёмъ у васъ ребенокъ отъ ревѣтъ?“— „Служки-няньки научили въ чисто полѣ ходить, такъ въ чисто полѣ проситца“.— „Понесите ево!“

Когда служанка вышла въ чисто полѣ, а Иванушко за ней. Служанка сѣла къ кустику, а онъ притаился за кустикомъ. Немного погодя бѣжать рыси. Она и говоритъ: „Рыси, вы рыси, побѣгучіе рыси! гдѣ *блѣденева* мати? Блѣдень плачетъ—*исти* просить“. — „А вонъ за намъ во второмъ караванѣ бѣжитъ“. (Рыси-тѣ отвѣчаютъ).

Второй караванъ подбѣгаетъ, служанка опять закричала: „Рыси вы рыси, побѣгучіе рыси! гдѣ *блѣденева* мати? Блѣдень плачетъ — *исти* просить!“—Она выскочила, сбросила съ себя рысю кожѹрку, взяла ребенка на руки и стала кормить грудью; а сама плачетъ.

10. Иванушко тихонько подкрался, да и укралъ у еѣ кожѹрку; взялъ и опалилъ. Она сидитъ, сидитъ да и скажотъ: „Ровно моей кожѹркой пахнѣтъ?“ — Потомъ отдала ребѣнка служанкѣ и сказала: „Спи, мое дѣтѣтко, на двоѣ сѹточѣкъ, не пивавши и не ѣдавши, и не пробужавшись!“—Только хотѣла вернутца къ своей кожѹркѣ, Иванушко выскочилъ изъ-за куста и поймалъ еѣ.

Она вилась да вилась, въ золотое веретѣнцо и вывилась. Онъ взялъ веретѣно, переломилъ черезъ колѣнко, бросилъ *жалю* черезъ себя, а пѣтку передъ себя и сказалъ: „За мной цвѣтно плѣтьѣ, передо мной красна дѣвица!“

Та самая и очутилась. Онъ взялъ еѣ, увѣлъ домой, а Егѣбисну вытурилъ.

15. „Розказъ“. [Солдатъ и его жена вѣдьма].

Солдатъ рассказывалъ:

1. Служилъ въ Саратовѣ одинъ с(а)олдатъ на службѣ. Состоялъ на квартирѣ у однихъ старухи. У ней была дочь уже невѣста, красивая собой. Вотъ солдатъ и слюбился съ ней. Потомъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ женился на ней. Тѣсча старуха померла. Онъ и жилъ вдвоѣмъ со своей женой; военную службу исполнялъ, а жилъ на квартирѣ у